

Лин Хэюань тоже его заметил. Он пригласил Цзян Сяо войти и закрыл за ним калитку.

Обернувшись на Лин Чэнюя, он снова посмотрел на Цзян Сяо и, наконец, впервые за долгое время мягко улыбнулся.

— Проходи, — сказал он и взял из рук Цзян Сяо ланчбокс, только теперь заметив, что в нём. — Не стоило ничего приносить. У меня уже всё готово.

Цзян Сяо объяснил, что сам сварил суп в обед, и извинился за драку с Лин Чэнюем.

— Не нужно извиняться, — ответил Лин Хэюань. — Это было между нами. Кто начал — уже и не скажешь. Если честно, это было обоюдно. Мы с ним никогда особо не ладили. Ссора, может, и была неизбежна. Я не жалею об этом.

С их первой встречи на рынке в Чуньчэне они не нравились друг другу.

Цзян Сяо с трудом в это верилось. В его представлении Лин Хэюань был совсем другим человеком — всегда вежливый, немного отчуждённый, как недосыгаемый цветок, не запятнанный пылью. Такой не стал бы лезть в драку.

— Ты...

— Не забивай голову, — перебил его Лин Хэюань, заметив его удивлённое выражение. Он перевёл разговор. — Пойдём в кабинет. Сегодня у нас стопка пробников, ещё надо разобрать твой журнал ошибок.

Цзян Сяо дал себя подтолкнуть, не настаивая. Уже у двери он высунулся обратно и сказал:

— Сначала выпей суп. Он ещё тёплый — в самый раз.

Лин Хэюань улыбнулся:

— Ладно.

Он осторожно достал суп и поставил его на стол.

Кому-то могло показаться странным, что он ввязался в драку, но сам Лин Хэюань ничуть не удивлялся. Напротив — эта ссора многое прояснила.

Стычка с Лин Чэнюем была вспышкой с обеих сторон. Тот действовал из ревности и злости. А он... из желания присвоить.

С какого-то момента одно только присутствие Цзян Сяо стало приносить ему радость. Он ловил себя на том, что постоянно за ним наблюдает, что ему хочется быть рядом. Начал делать вещи, которые раньше казались ему не свойственными, — всё становилось интереснее, если поблизости был Цзян Сяо.

С детства у него было мало друзей. Сначала он решил, что это просто дружба. Тем более, Цзян Сяо — парень, так что он даже не задумывался, может ли быть что-то большее. Но с течением времени понял — что-то здесь не так.

Он хотел, чтобы Цзян Сяо всегда был рядом. Иногда просто хотелось обнять его, стать ближе. Когда он смотрел в его глаза, сердце странно и тепло замирало — будто что-то таяло внутри.

Разве между друзьями бывает такая болезненная тяга? Это стремление к большему, чем просто дружба?

Оглядываясь назад, всё становилось очевидным. Их с Лин Чэнюем конфликты начались ещё в Новый год — оба влюбились в одного и того же человека.

Любовь всегда идёт рука об руку с желанием обладать. Пусть Цзян Сяо и не проявлял интереса к Лин Чэнюю, даже явно избегал его — тот всё равно не отступал. Лин Хэюань чувствовал, что между ними когда-то произошло нечто важное, о чём он не знал. И это не давало ему покоя.

Соперники в любви дерутся — разве в этом есть что-то странное?

Но признаваться Цзян Сяо сейчас он не собирался. Во-первых, было не до того. Впереди вступительные экзамены, Цзян Сяо много учился и параллельно вёл своё небольшое дело. Отвлекать его сейчас — просто нечестно. А во-вторых... Лин Хэюань до конца не знал, что на самом деле чувствует Цзян Сяо.

Цзян Сяо хорошо к нему относился — но он вообще был таким по натуре, добрым ко всем. Вот и с Е Инъином — всегда старался не обделить вниманием. Только и он, и Лин Чэнюй прекрасно понимали: Е — безобиден.

Но видя, как сильно Цзян Сяо отталкивает Лин Чэнюя, Лин Хэюань решил, что признание сейчас может обернуться катастрофой. Если он ошибётся в своих догадках и окажется на месте Лин Чэнюя, которого теперь попросту избегают — это будет худший исход.

Он чувствовал, что между Цзян Сяо и Лин Чэнюем что-то было. Нечто не до конца понятное, тёмное. Но одно было ясно: сейчас Цзян Сяо определённо предпочитал его.

И это было достаточно. Он был рядом с Цзян Сяо. У него ещё есть время.

Цзян Сяо действительно умел готовить. Лин Хэюань неспешно доел суп до последней ложки, потом пошёл на кухню и принёс два стакана лаймовой газировки. Он знал, что Цзян Сяо не любит слишком кислое, и добавил в его стакан побольше мёда.

Цзян Сяо лежал за партой и делал домашку. Увидев его, поднял глаза:

— В моём рюкзаке есть мазь, наша семейная, проверенная — от ушибов помогает отлично. Я её постоянно пользовался, когда где-нибудь ударился. У тебя ведь всё ещё не прошло. Потом помажу — станет легче.

Промассировать ему... поясницу?

Почему-то после этих слов Лин Хэюань словно напрягся. И весь оставшийся вечер в кабинете сидел как на иголках, будто струна — натянут до предела.

В конце концов отказываться уже было глупо. Он прилёг на маленький диван в кабинете. Цзян Сяо с серьёзным видом приподнял ему рубашку и начал аккуратно втирать мазь в ушиб.

Массировал он на удивление умело. В перерывах даже успевал украдкой разглядывать фигуру Лин Хэюаня. У того, как оказалось, был настоящий пресс — просто под одеждой этого не было видно.

И от этой мысли Цзян Сяо стало немного грустно.

Он в последнее время тоже стал больше заниматься, но с тех пор, как вернулся в эту жизнь, у него разыгрался аппетит. Он ни в чём себе не отказывал — ел, что хотел. И... немного поправился.

Живот у него стал немного мягче, пресс уже не так отчётливо выделялся. Он твёрдо решил: с завтрашнего дня — плюс пятьдесят отжиманий в день.

Массаж оказался вовсе не болезненным — даже приятным. Но от того, что ладонь Цзян Сяо прикасалась прямо к голой коже, Лин Хэюань напрягся как струна. Он слегка покраснел, уставился в стену и боялся даже шелохнуться. Расслабился только когда всё закончилось, и тогда повернулся к нему.

И увидел, что Цзян Сяо закатал свою футболку и внимательно смотрит на собственную талию.

— На самом деле всё не так уж плохо, — сказал тот, озабоченно разглядывая себя. — Может, добавить ещё двадцать подтягиваний? Как думаешь, Лин Хэюань?

В прошлой жизни Цзян Сяо по уши влюбился в Лин Чэнюя. Кроме этого неудавшегося чувства, он всегда считал себя вполне гетеро. Ну а как иначе — он же всерьёз бегал за Линь Циньюй в средней школе?

Талия у него была просто чуть мягкая, в целом же фигура оставалась стройной. Линии тела — плавные, гибкие, аккуратные.

Лин Хэюань: «...»

Он несколько секунд просто смотрел, потом не выдержал и дёрнул футболку Цзян Сяо вниз, пальцы чуть дрожали.

— Всё... всё нормально, — кашлянул он, запинаясь, что случилось с ним крайне редко. — Хочешь — делай. Всё хорошо.

Цзян Сяо и не заметил, что тот смутился. Похлопал себя по животу, собрал вещи — пора было домой, готовить ужин. Как он и ожидал, по дороге ему снова попался Лин Чэнюй.

После той настоящей драки Лин Чэнюй перестал устраивать засады на Лин Хэюаня. Он понял: сильно его недооценивал.

А главное — при нынешнем отношении Цзян Сяо даже мелкая царапина на Лин Хэюане непременно вызовет у него подозрения. Он снова подумает на него. Если продолжать давить на Лин Хэюаня и тем самым расстраивать Цзян Сяо — это будет выстрел себе в ногу.

Семья должна как можно скорее уладить перевод — иначе Цзян Сяо действительно может уйти... уйти к другому.

Он мысленно снова и снова представлял, как рвёт Лин Хэюаня на куски. Но стоило увидеть, как Цзян Сяо выходит за калитку, как половина злости вдруг куда-то исчезла.

Он сам не понимал, почему ведёт себя так жалко — одно лишь его появление радовало, даже если тот выходил не из его дома.

Цзян Сяо тоже смотрел на него с противоречивыми чувствами.

Лин Хэюань ведь сам сказал — драка была обоюдной, не такой односторонней, как он предполагал. Может, он и правда несправедливо обошёлся с Лин Чэнюем...

Он подошёл ближе, и Лин Чэнюй пошёл за ним. Взгляд у него был жалкий, будто он ждал его целую вечность.

— Ты ведь уже прожил одну жизнь, — вздохнул Цзян Сяо. — Почему же ты всё такой вспыльчивый и ребячливый...

Он посмотрел на Лин Чэнюя и вдруг осёкся, не договорив.

— Сяосяо...

Цзян Сяо посмотрел прямо ему в глаза:

— Перестань трогать тех, кто рядом со мной. Лин Хэюань пострадал из-за тебя. Я и так чувствую себя виноватым.

Лин Чэнюй не стал спорить. Он опустил голову и искренне извинился.

Но даже после того, как Цзян Сяо вымыл руки, от него всё ещё пахло лекарственным маслом. Этот горьковатый аромат был ни с чем не спутаем — будто он только что вышел из старинной лавки с народными снадобьями.

Лин Чэнюй знал этот запах. Это масло сопровождало его всю жизнь.

Если Цзян Сяо просто передал его Лин Хэюаню, то почему аромат так явно ощущался от него самого?

Мысль о том, что он лично помогал Лин Хэюаню, болезненно кольнула в сердце.

Он дёрнул Цзян Сяо обратно, не давая уйти.

— Я пострадал больше, чем он, — сказал он. — И до сих пор не зажил. Лин Хэюань...

Он хотел ещё пожаловаться, но понял, что это бессмысленно. Потому просто замолчал и уставился на него с максимально жалким видом.

Следы от драки были ещё не всё — работа на стройке тоже не проходила бесследно. Весь он был в синяках, ссадинах и ушибах — живого места не осталось.

Цзян Сяо пару раз попытался вырваться, но не получилось. И бросить это просто так он тоже не мог.

— У тебя же есть лекарства дома, чего прикидываешься?

— Не такие хорошие, как твои, — ответил Лин Чэнюй. Цзян Сяо ведь и мазь знал, и массировать умел — у него всё заживало гораздо быстрее. Хотя он и не ждал, что тот снова его будет лечить, но... хотелось хоть чего-нибудь.

— Сяосяо...

Цзян Сяо фыркнул:

— Хватит строить из себя милого — на меня это больше не действует.

Лин Чэнюй был младше его на год. Когда Цзян Сяо влюблённо смотрел на него, такие жесты казались флиртом. Теперь же у него на всё это выработался стойкий иммунитет. Но если не разобраться с этим раз и навсегда — ничего не изменится.

А Лин Чэнюй оказался упрям. Он вцепился в него и не собирался отпускать. Ни толчки, ни подзатыльники не помогали. Повозившись с ним так довольно долго, поняв, что домой уже может не успеть, Цзян Сяо взвесил всё и сунул ему в руки остаток пузырька с маслом.

— Сам себе мажь. И с каких это пор ты стал таким липким?

Потом резко, по слогам, добавил, уже без всякой мягкости:

— С сегодняшнего дня! Тебе запрещено! Трогать! Лин Хэюаня!

Лин Чэнюй: Это ведь он на меня первым напал!

Но вслух он, разумеется, сказать этого не посмел. У Цзян Сяо было самообладание.

<http://bllate.org/book/14428/1275637>